

несогласимы предположения, что классицизм может вырасти на основе и рационализма, и сенсуализма. А если мы делаем такое допущение, значит, наше определение понятия «литературное направление» юшибочно.

В чем же причина всех этих сложностей и противоречий?

Мне кажется, что причин несколько. Перечислить все сейчас еще нельзя, не все еще достаточно определились. Однако некоторые можно уже назвать и теперь.

Во-первых, все эти определения литературных направлений имеют более умозрительный, чем конкретный исторический и историко-литературный характер. Авторы этих определений исходят из опыта литератур XIX и XX вв. и судят о литературах XVII—XVIII вв., т. е. эпохи классицизма, по аналогии с известным им материалом, а не по специфическим свойствам этих более ранних литератур. А специфическими особенностями литератур до XIX в. было то, что почти все писатели получали традиционное образование на латинском языке или с большой дозой последнего. Если в России в XVIII в. дворянские писатели не обучались латыни, то получали на русском и французском языках, т. е. опосредствованно, то, что учащиеся латинских школ воспринимали непосредственно из первоисточников (конечно, по-своему истолкованных). Античная мифология и история, мифология и история библейско-христианская — то, что Лаблени называет «греко-латинской древностью» и «древностью библейской», — было основным культурным фондом большинства тогдашних писателей и читателей «Литературный человек» XVII—XVIII вв. мог быть эмпириком—бэконианцем, рационалистом—картезианцем, сенсуалистом—локкистом, но литературной базой его была «греко-латинская» и «библейская древность». Он мог их по-разному понимать и отражать, но «Об искусстве поэзии» Горация и «Поэтика» Аристотеля и европейские их переработки, в особенности «Искусство поэзии» Буало, были для него незыблемыми основами эстетики и поэтики. Поэтому и могло получиться так, что в России к направлению классицизма принадлежали и Феофан Прокопович, и Ломоносов, и Сумароков, и В. Майков. Здесь, вопреки основному положению авторов, пытающихся дать определение интересующего нас литературного понятия (и термина), мировоззрение (философия) не создавало всякий раз новой эстетики и поэтики, со всякий раз соответствующим новым материалом, а только интерпретировало данность — «греко-латинскую» и «библейскую» древность — и производило своеобразный отбор из последней. Особенно показательны в этом отношении материалы, представляемые историей французской и — с известными дополнениями — русской трагедии: их сюжеты, за малыми исключениями, все были взяты из античной мифологии и истории; лишь в немногих случаях материал для трагедий брался французами из испанской, португальской («Инесса де Кастро») и восточной («Магомет», «Гебры») истории, русскими — из истории